

Ментальные репрезентации рая и ада у православных верующих

А.М. Двойнин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0530-740X>, e-mail: alexdvoinin@mail.ru

А.С. Иванова

Независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-3624-0742>, e-mail: ivanova.anna.s19@yandex.ru

В работе изучалось содержание ментальных репрезентаций концептов «Рай» и «Ад» у православных верующих. Осуществлялся поиск различий в степени детализации репрезентаций и их взаимосвязей с уровнем религиозности испытуемых. После предварительного отбора итоговая выборка для анализа составила: 62 человека православного вероисповедания, жителей России (67,74% женщин и 32,26% мужчин), возраст от 18 до 57 лет ($M = 34,32$; $SD = 11,03$). В качестве методов исследования использовались: Шкала центральности религиозности Ш. Хубера и О. Хубера, метод направленных ассоциаций, мини-сочинение. Обнаружено, что православные верующие выдают достоверно большее количество ассоциаций с концептом «Ад», чем с концептом «Рай» ($p \leq 0,001$); размер эффекта — выше среднего (d Коэна = 0,566). Ментальные репрезентации концепта «Ад» на ассоциативном уровне в большей степени детализированы по сравнению с репрезентациями концепта «Рай». Это может рассматриваться как свидетельство субъективного переживания на неосознаваемом или слабо осознаваемом уровне меньшей удаленности ада от верующих, чем рая (в смысле психологической дистанции). Степень детализации данных религиозных концептов на ассоциативном уровне не связана с выраженностью религиозности православных верующих, а связана с другими факторами: предположительно, с культурной нагруженностью концептов, индивидуальными особенностями верующих и др.

Ключевые слова: ментальные репрезентации, рай, ад, православие, верующие, религиозные представления.

Для цитаты: Двойнин А.М., Иванова А.С. Ментальные репрезентации рая и ада у православных верующих // Культурно-историческая психология. 2024. Том 20. № 2. С. 60–68. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2024200207>

Mental Representations of Paradise and Hell among Orthodox Christians

Alexey M. Dvoinin

HSE University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0530-740X>, e-mail: alexdvoinin@mail.ru

Anna S. Ivanova

Independent researcher, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-3624-0742>, e-mail: ivanova.anna.s19@yandex.ru

The paper studied how Orthodox Christians imagine paradise and hell. We searched for differences in detailing of the representations and correlations with the religiosity of the subjects. After pre-selection, 62 Orthodox Christians, residents of Russia (67.74% women and 32.26% men), age from 18 to 57 years ($M = 34.32$; $SD = 11.03$) we recruited for this study. The following research methods were used: The Centrality of Religiosity Scale (S. Huber & O. Huber), method of directed associations, mini-essay. Orthodox

Christians were found to produce a significantly greater number of associations with the concept of hell than with the concept of paradise ($p \leq 0.001$); the effect size is above average (Cohen's $d = 0.566$). At the associative level, the mental representations of hell were more detailed than those of paradise. This can be regarded as an indicator of individual experience at the unconscious or weakly realized level that hell is farther than paradise (in the sense of psychological distance). The degree in which these religious concepts are detailed at the associative level is not related to the degree of religiosity, but is related to other factors: presumably, to the cultural background of the concepts, individual characteristics of the respondents, etc.

Keywords: mental representations; paradise; hell; Orthodox; Christians; religious representations.

For citation: Dvoinin A.M., Ivanova A.S. Mental Representations of Paradise and Hell among Orthodox Christians. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2024. Vol. 20, no. 2, pp. 60–68. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2024200207>

Введение

Как показывают классические труды [4; 6; 13; 15; 19] и современные исследования [14; 17–18; 20], религия является значимым, но неоднозначным фактором психической жизни и поведения человека. Раскрытие психологического значения религии и выявление психологических механизмов поведения верующих предполагает обращение к тому, как различные элементы вероучения и религиозных практик репрезентированы в сознании их адептов. Несмотря на то, что религиозная доктрина несет в себе канонически определенные представления о мироустройстве, происхождении человека, смысле жизни, нормах социального поведения и др., ментальные репрезентации ее элементов у конкретных индивидов могут существенно варьироваться.

Современные психологические исследования ментальных репрезентаций у верующих в основном ведутся в рамках когнитивного подхода в религиоведении и психологии. В этих пока еще немногочисленных исследованиях показывается, что религиозные ментальные репрезентации зависят от когнитивной архитектуры психики, а культурную «выживаемость» и успех проявляют благодаря тому, что они контринтуитивны, т. е. нарушают наши интуитивные ожидания в отношении объектов определенного типа (людей, животных, растений и др.) [12]. Например, некоторые религиозные нарративы повествуют о бессмертном человеке; камне, говорящем на человеческом языке; летающем змее с огненной пастью и т. п. Именно это делает их более запоминающимися, привлекающими внимание, а потому успешно передающимися из поколения в поколение [12].

J.L. Barrett и F.C. Keil на выборке американских студентов экспериментально выявили наличие у человека ментальных репрезентаций сверхъестественных агентов двух типов: теологического и интуитивного. В соответствии с теологическими репрезентациями люди мыслят Бога как существо вне пространства и времени, но в экспериментальных ситуациях обнаруживают интуитивные («теологически некорректные») репрезентации: Бог может находиться в каком-то конкретном месте в мире, чего-то ждать, тратить время на свои деяния т. п.

[11]. Та же закономерность была подтверждена на выборке индуистов бхагги [10] и на православных верующих [2].

В исследованиях также показывается, что активация религиозных понятий в целом приводит к снижению уровня толерантности к неопределенности [16]. Е.В. Улыбина и К.К. Климова установили, что данная закономерность варьируется в зависимости от уровня религиозности верующих [7].

Концепты «Рай» и «Ад» являются важными элементами разных религиозных учений: иудаизма, христианства, ислама и др. Они воплощают представления о противоположных местах и/или состояниях вечной жизни человека. В религиозных текстах *рай* и *ад*, как правило, описываются метафорически, с разной степенью детализации. В Священном Писании христиан (Библии) описание данных концептов весьма вариативно.

Рай предстает и как *Эдем*, и как *Царствие Небесное/Божие*, в различных материальных характеристиках и в качестве духовного состояния верующего. Например, первоначально, в Ветхом Завете, *Рай* описывался как существовавший на земле Эдем, который находился «на востоке» (Быт. 2:8), из него вытекала река, в нем произрастали деревья, включая древо добра и зла, и он был населен животными; в саду Эдема Бог поселил человека (Быт. 2). В Новом Завете трактовка *рая* уже несколько иная: как места, где можно «быть со Христом» (Флп. 1:23), как Царствия Божия, которое внутри человека, а не снаружи (Лк. 17: 20-21). Апостол Павел пишет: «Царствие Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим. 14:17). Вместе с тем встречается и такое описание *рая*: «Святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба... Среди улицы его, и по ту и по другую сторону реки, древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева — для исцеления народов. И ничего уже не будет проклятого; но престол Бога и Агнца будет в нем, и рабы Его будут служить Ему. И узрят лице Его, и имя Его будет на челах их. И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков» (Откр. 21:2; 22:2-5).

Ад наделяется в основном такими характеристиками, как «геенна огненная» (Мф. 5:22), «огонь вечный» (Мф. 25:41), «мука вечная» (Мф. 25:46), «озеро огненное» (Откр. 20:14), «где червь их не умирает и огонь не угасает» (Мк. 9:44), озеро с горящим «огнем и серою» (Откр. 21:8), где нет покоя ни днем, ни ночью (Откр. 14:11), нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости (Еккл. 9:10). Обреченные существовать в *аду* будут испытывать страх мучения и печаль во «тьме внешней», где слышится «плач и скрежет зубов» (Мф. 25:30).

В настоящем исследовании мы поставили *цель* — эксплицировать содержание ментальных репрезентаций *рая* и *ада* у православных верующих.

Под ментальными репрезентациями понимается основанная на индивидуальном опыте взаимодействия человека с миром субъективная форма видения происходящего [8]. Учитывая уровневое строение репрезентаций [5], в данном исследовании мы сосредоточились на рассмотрении ассоциативного и образно-понятийного уровней ментальных репрезентаций *рая* и *ада*.

Общей теоретико-методологической основой исследования выступил культурно-исторический (культурно-инструментальный) подход в психологии религии [1]. В рамках данного подхода религия рассматривается как продукт общественно-исторического развития, как система исторически сформировавшихся культурных (знаково-символических) средств, при помощи которых человек овладевает своей психикой и поведением. Эти культурные средства можно назвать *религиозными психологическими орудиями*. К ним относят:

- а) религиозные объекты (природные и рукотворные);
- б) религиозные действия (ритуалы);
- в) религиозные образы (объективированные и субъективные);
- г) религиозные значения (понятия).

В логике данного подхода оперирование религиозными психологическими орудиями в реальной жизненной практике опосредствует жизненные отношения человека с миром, тем самым трансформируя актуальные психологические механизмы регуляции поведения [1]. Приложение данного подхода к анализу ментальных репрезентаций *рая* и *ада* позволяет рассматривать их как религиозные психологические орудия, при помощи которых верующие овладевают собственной психикой и поведением, опосредствуя свои отношения с миром.

Также теоретической основой настоящего исследования выступила теория конструкторов разного уровня (Construal Level Theory) N. Liberman и Ya. Trope. Эта теория постулирует определенную взаимосвязь между субъективным переживанием психологической дистанции в отношении некоего объекта (явления) и уровнем его конструирования в сознании: чем субъективно *дальше* мы воспринимаем объект, тем он более *абстрактно* представлен в нашем сознании. И наоборот, чем субъективно *ближе* этот объект нам представляется, тем он более дета-

лизовано, конкретно репрезентирован в нашем сознании [3].

В этой теоретической рамке степень детализации ментальных репрезентаций *рая* и *ада* будет сигнализировать нам о той психологической дистанции, которую переживают верующие в отношении данных религиозных концептов.

Гипотезы исследования.

1. У православных верующих ментальные репрезентации *ада* более детализированы, чем репрезентации *рая*.

2. Существует взаимосвязь между выраженностью религиозности и степенью детализации ментальных репрезентаций *рая* и *ада* у православных верующих.

3. В ментальных репрезентациях *рая* и *ада* у православных верующих, наряду с канонически зафиксированными в Священном Писании (Библии) характеристиками, отражены также и культурные шаблоны восприятия этих концептов.

Методы

Дизайн исследования. Эмпирическое исследование проходило в несколько этапов. Сбор данных осуществлялся на платформе Google Forms.

На первом этапе испытуемые заполняли опросную форму, содержащую диагностические задания для выявления: 1) уровня религиозности; 2) ассоциативного содержания ментальных репрезентаций *рая* и *ада*; 3) образно-понятийного содержания ментальных репрезентаций *рая* и *ада*.

На втором этапе по результатам диагностики нами выявлялись испытуемые, которые были идентифицированы как «нерелигиозные» (их диагностические результаты были исключены из дальнейшего анализа), а также проводился контент-анализ полученных данных.

На третьем этапе осуществлялись статистическая обработка данных, их интерпретация и проводился качественный анализ: оценивались количественные и качественные различия в содержании ментальных репрезентаций *рая* и *ада*; осуществлялся поиск взаимосвязей между уровнем религиозности респондентов и уровнем детализации их ментальных репрезентаций религиозных концептов.

Выборка исследования. Всего в исследовании приняли участие 65 испытуемых, идентифицировавших себя как православных верующих. Выборка формировалась стихийным образом путем размещения приглашений к участию в исследовании в православных интернет-сообществах и религиозно ориентированных группах в социальных сетях. По результатам диагностики испытуемые, идентифицированные как «нерелигиозные», были исключены из выборки. Итоговая выборка для анализа составила 62 испытуемых православного вероисповедания, жителей России (67,74% женщин и 32,26% мужчин), возраст от 18 до 57 лет ($M = 34,32$; $SD = 11,03$).

Методики.

«Шкала центральности религиозности» Ш. Хубера и О. Хубера [8] — применялась для определе-

ния уровня религиозности респондентов. Методика представляет собой опросник, состоящий из 10 пунктов, которые измеряют проявления религиозности в пяти аспектах: интеллектуальном, идеологическом, публичной практики, личной практики и опыта респондента (оценка по шкале Лайкерта от 1 до 5). Итоговый балл по методике варьируется от 1 до 5.

Метод направленных ассоциаций был применен для выявления ассоциативного содержания ментальных репрезентаций *рая* и *ада*. Респондентам предлагалось привести первые пришедшие в голову ассоциации отдельно для каждого концепта — *рая* и *ада*. Единственным ограничением было максимальное количество возможных ассоциаций — 15. Полученные таким образом ассоциации были обобщены в смысловые единицы и подвергнуты частотному и сравнительному анализу.

Мини-сочинение в двух вариантах («Что вы понимаете под термином “Рай”?» и «Что вы понимаете под термином “Ад”?») использовалось для выявления образно-понятийного содержания ментальных репрезентаций *рая* и *ада*. Каждое мини-сочинение предлагалось написать в объеме 3–4 предложений в свободной форме. Тексты мини-сочинений подверглись контент-анализу, по результатам которого были выявлены смысловые единицы — группы схожих характеристик, которыми респонденты наделяют концепты «Рай» и «Ад». Эти же смысловые единицы были определены в качестве единиц счета и подвергнуты частотному и качественному анализу.

Методы статистической обработки данных. Для полученных в исследовании распределений были рассчитаны описательные статистики, а также произведена проверка распределений на нормальность по критерию Колмогорова–Смирнова (с поправкой Лиллиефорса). Поскольку не все распределения соответствовали нормальному закону, для дальнейшего анализа были использованы непараметрические статистические методы. Достоверность различий в уровне детализации концепта «Рай» по сравнению с концептом «Ад» оценивалась Т-критерием Вилкоксона¹. Для определения размера эффекта использовалась *d* Коэна. Для поиска взаимосвязей между выраженностью религиозности испытуемых и степенью детализации концептов «Рай» и «Ад» был использован корреляционный анализ Спирмена. Для выявления различий в частоте встречаемости образно-понятийных характеристик *рая* и *ада* применялось угловое преобразование (ϕ) Фишера. Обработка дан-

ных проводилась с использованием статистического пакета IBM SPSS 23.0.

Результаты

Показатели религиозности православных верующих. После исключения из выборки по результатам диагностики нерелигиозных испытуемых (набравших от 1,0 до 2,0 баллов по «Шкале центральности религиозности») из оставшихся 62 респондентов большинство было отнесено к группе «высоко религиозных» — 80,6%. Оставшиеся 19,4% были идентифицированы как «религиозные». Средний показатель религиозности по выборке составил $M = 3,411$ при стандартном отклонении $SD = 0,634$. В целом, описательные статистики распределения религиозности представлены в табл. 1. Критерий Колмогорова–Смирнова показал, что данное распределение не отличается от нормального ($\lambda = 0,095, p = 0,200$).

Ассоциативный уровень ментальных репрезентаций концептов «Рай» и «Ад» у православных верующих. Общее количество полученных по выборке ассоциаций составило 355 — для концепта «Рай» и 477 — для концепта «Ад». Средние показатели количества ассоциаций с концептом «Рай»: $M = 5,726$; $SD = 3,255$, — с концептом «Ад»: $M = 7,694$, $SD = 3,682$. Описательные статистики соответствующих распределений также представлены в табл. 1. Оба распределения ассоциаций, как показал критерий Колмогорова–Смирнова, отличаются от нормального: по *раю* $\lambda = 0,201, p \leq 0,001$; по *аду* $\lambda = 0,123, p = 0,021$.

Различия в уровне детализации концептов «Рай» и «Ад». Т-критерий Вилкоксона показал наличие достоверных различий между уровнем детализации концептов «Рай» и «Ад» у православных верующих: *ад* в ментальных репрезентациях верующих характеризуется бóльшим количеством ассоциативных связей, чем *рай* ($T = -4,606, p \leq 0,001$). При этом величина различий в детализации (размер эффекта) — выше среднего, как показывает *d* Коэна = 0,566.

Корреляции между выраженностью религиозности и степенью детализации концептов «Рай» и «Ад». По результатам корреляционного анализа Спирмена не было обнаружено статистических взаимосвязей:

- между показателями религиозности у православных верующих и количеством продуцируемых ассоциаций на концепт «Рай»: $r_s = -0,129, p = 0,317$;

Таблица 1

Описательные статистики распределений религиозности и количества ассоциаций с концептами «Рай» и «Ад» ($N = 62$)

	M	SE	Me	Mo	SD	As	As _{se}	Ex	Ex _{se}	Max	Min
Религиозность	3,411	0,081	3,4	3,2	0,634	0,19	0,304	0,489	0,599	5	2,1
Количество ассоциаций с концептом «Рай»	5,726	0,413	5	3	3,255	1,409	0,304	2,144	0,599	15	1
Количество ассоциаций с концептом «Ад»	7,694	0,468	7	5	3,682	0,315	0,304	-0,707	0,599	15	1

¹ В качестве индивидуального показателя детализации концепта выступало количество ассоциаций, данных конкретным испытуемым.

пы (табл. 2). Наиболее выраженной группой признаков, как для концепта «Рай», так и для концепта «Ад», стали «Эмоциональные переживания» (встречаются в 80,6% и 59,6% случаев, различие статистически достоверно: $\varphi = 3,288, p \leq 0,001$). Можно отметить сходство в степени выраженности в ментальных репрезентациях таких групп признаков, как «Локализация в пространстве» (в 51,6% случаев — по *раю* и в 56,4% — по *аду*; $\varphi = 0,679, p > 0,05$), «Временные характеристики» (в 19,3% случаев — по *раю* и в 24,2% — по *аду*; $\varphi = 0,841, p > 0,05$). «Внешние описательные характеристики» (в 20,9% случаев — по *раю* и в 18,7% — по *аду*; $\varphi = 0,396, p > 0,05$). Специфическими для ментальных репрезентаций концепта «Ад» стали следующие группы признаков: «Телесные ощущения и проявления» (в 48,3% случаев) и «Существа» (в 40,3% случаев). В образно-понятийном содержании ментальных репрезентаций концепта «Рай» данные группы признаков не были обнаружены.

Обсуждение результатов

Полученные результаты измерения религиозности ожидаемо оказались выше в нашей выборке, чем усредненные показатели в целом по России, где $M = 2,84, SD = 1,10$ [9]. Это объясняется принципом отбора испытуемых, который минимизировал (хотя и не исключал) вероятность попадания в выборку нерелигиозных испытуемых.

Анализ ассоциативного содержания ментальных репрезентаций концептов «Ад» и «Рай» у православных верующих показывает, что на данном (ассоциатив-

ном) уровне репрезентации *рая* менее детализированы и имеют менее устоявшуюся вариативность (мода и средняя в большей мере расходятся), чем репрезентации *ада*. Это подтверждает выдвинутую гипотезу исследования о различиях в детализации представлений.

Поскольку ассоциативные связи рассматриваются как проявления глубинных, слабо осознаваемых, а подчас вовсе неосознаваемых содержаний психики, можно сказать, что в данном случае отрицательный по своему значению (в контексте христианского вероучения) религиозный концепт «Ад», по-видимому, обладает большей субъективной значимостью в психическом мире (точнее, в ментальном опыте [8]) православных верующих, чем концепт «Рай». Упрощая данную мысль, скажем так: осознает это верующий или нет, угроза попадания в *ад* обладает для него большим психологическим смыслом (например, эмоциональным или побуждающим зарядом), чем приятная перспектива попадания в *рай*.

С точки зрения теории конструкторов разного уровня [3], большую детализацию и конкретность ассоциативного содержания ментальных репрезентаций *ада* можно рассматривать как свидетельство переживания (на неосознаваемом или слабо осознаваемом уровне) большей психологической близости *ада*, чем *рая*.

Если посмотреть на наиболее частотные ассоциации, то мы видим присутствие разнообразных и соотносимых между собой характеристик и в репрезентациях *рая*, и *ада*. Например, в обоих наборах ассоциаций высокую выраженность получают физические признаки (*свет* — для *рая*; *огонь* — для *ада*), эмоциональные (*счастье, любовь, радость* — для *рая*; *страх, безысходность* — для *ада*), сверхъестественные агенты (*Бог, ан-*

Таблица 2

Выраженность образно-понятийного содержания ментальных репрезентаций концептов «Рай» и «Ад» у православных верующих ($N = 62$)

Группа	Характерные признаки	Концепт «Рай»		Концепт «Ад»		Ф Фишера
		Индикаторы	%*	Индикаторы	%*	
Эмоциональные переживания	Указание конкретного аффективного явления: эмоциональной реакции, состояния, отношения (чувства)	Любовь, умиротворение, восторг, спокойствие, удовольствие, гармония, доброта, радость, блаженство	80,6	Страх, страдания, опустошенность, одиночество, отчужденность, вина	59,6	3,288**
Локализация в пространстве	Указание на место, расположение, протяженность в физическом смысле	Место, сад, оазис, парадиз, море	51,6	Место, область, пространство, пропасть, яма, недра Земли, на Земле, врата	56,4	0,679
Временные характеристики	Наличие временного контекста (прошлого, настоящего, будущего) либо его нарушений	Вечность(ое), бесконечность(ое)	19,3	Вечность(ое), бесконечность(ое)	24,2	0,841
Внешние описательные характеристики	Указание внешних особенностей (обстановка, ситуация, условия жизни)	Свет (светлое)	20,9	Тьма, темнота, нет света, мрак, беспросветность, огонь, пожар, пламя, война	18,7	0,396
Телесные ощущения и проявления	Указание физиологических реакций и состояний организма или сенсорных явлений	—	—	Боль, муки (мучения), плач, голод, стоны, крики	48,3	—
Существа	Описание агентов (естественных и сверхъестественных)	—	—	Грешники, дьявол, сатана, черги, нечисть	40,3	—

* Указан процент от общего количества проанализированных мини-сочинений испытуемых ($N=62$). ** Уровень статистической значимости $p \leq 0,001$.

гел — для *рая*; дьявол, бесы, черти, демон, сатана — для *ада*) и др. Вместе с тем обращает на себя внимание то, что самая частотная ассоциация с *адам* представляет собой телесный (сенсорный) признак — *боль*. Болевые (телесные) ощущения включены в другие часто встречающиеся ассоциации с *адам* — *мучения, страдания*. Среди наиболее частотных ассоциаций с *раем* такого рода признаки не обнаружены. Вероятно, это свидетельствует о том, что религиозный концепт «Ад» активизирует у православных верующих главным образом *телесные* переживания психологической близости к нему. Отчасти это отражает библейские представления о мучениях в огне, плаче и скрежете зубов в *аду*.

Вторая эмпирическая гипотеза о взаимосвязи между выраженностью религиозности и степенью детализации религиозных концептов не подтвердилась. По-видимому, степень детализации и *ада*, и *рая* в представлениях православных верующих, а также различия в переживании психологической дистанции к данным сущностям связаны не с мерой вовлеченности верующих в религию, а с другими факторами. Возможно, одним из таких факторов является разная культурная нагруженность этих религиозных понятий (в первую очередь, широкая представленность в произведениях искусства *ада*). Например, среди наиболее частотных ассоциаций с *адам* фигурируют *девять кругов ада*, что, несомненно, есть следствие культурного влияния «Божественной комедии» Данте Алигьери на данный религиозный концепт.

При этом наличие достоверной взаимосвязи между количеством ассоциаций, относящимся к обоим концептам, свидетельствует о вкладе индивидуальных различий в степень детализации ментальных репрезентаций: те верующие, кто продуцирует больше ассоциаций с *раем* склонны продуцировать больше ассоциаций с *адам*, и наоборот. Однако данная связь выражена все же в средней степени.

Анализ образно-понятийного содержания ментальных репрезентаций *рая* и *ада* показывает существенное преобладание в них образных элементов над понятийными (несмотря на диагностическое задание, которое допускало возможность проявиться понятийным структурам). Данный факт вполне закономерен, поскольку в Священном Писании (Библии), а также в многочисленной христианской литературе *рай* и *ад* описываются в основном в образной, метафорической форме, например, *ад* — как «геенна огненная» или *рай* — как «сад» и т. п.

Как видим, в целом, образы *рая* и *ада* преимущественно эмоционально окрашены, причем образ *рая* — в достоверно большей мере. Обращают на себя внимание несколько фактов. Во-первых, выраженность телесных характеристик, присутствие различных существ в репрезентациях *ада* (что не наблюдается в образно-понятийном содержании представлений о *рае*). Значимость телесности в репрезентациях *ада* мы зафиксировали ранее и на ассоциативном уровне. Во-вторых, представления о таких нематериальных сущностях, как *рай* и *ад* во многом сконструированы с использованием атрибутов материи — пространственных и временных характеристик. Этот результат соотнобразуется с одной из

ключевых гипотез, поддерживаемых представителями когнитивного религиоведения [10–12], о том, что религиозные репрезентации определяются функциональными возможностями когнитивных механизмов психики. Для человеческого мышления естественно мыслить в категориях пространства и времени, и эти категории применяются в том числе и для построения репрезентаций сверхъестественных сущностей.

Качественный анализ образно-понятийного содержания репрезентаций подтверждает гипотезу о том, что в них наряду с каноническими (зафиксированными в Библии) представлениями о *рае* и *аде* присутствуют культурные шаблоны, схожие с теми, которые проявились на ассоциативном уровне ментальных репрезентаций: белые лебеди; девять кругов ада; котел, в котором варят грешников; зомби; архидемон Бельфагор; Вальхалла — небесный чертог из германской мифологии и др. Большинство из них относятся именно к образу *ада*.

Как мы уже говорили выше, с позиции культурно-исторического (культурно-инструментального) подхода в психологии религии [1], ментальные репрезентации *рая* и *ада* возможно рассматривать как религиозные психологические орудия, которые позволяют человеку овладеть собственной психикой и поведением. Этот подход позволяет раскрыть функциональную сторону данных репрезентаций. Несмотря на то, что в рамках настоящего исследования функциональная сторона репрезентаций непосредственно не изучалась, обращение к их содержанию и особенностям организации содержания представлений способно пролить свет на этот вопрос.

Предположительно, ментальные репрезентации *рая*, посредством которых человек овладевает собственной психикой и поведением, «работают» через активацию в определенной жизненной ситуации эмоционального опыта личности, связанного с переживаниями любви, счастья, радости, спокойствия, умиротворения и т. п. При этом данная активация реализуется как на неосознаваемом (ассоциативном), так и осознаваемом (образно-понятийном) уровнях. Ментальные репрезентации *ада*, помимо активации эмоционального опыта (переживания страдания, безысходности, одиночества, пустоты и т. п.) для регуляции поведения актуализируют еще и телесный опыт, связанный с разнообразием болевых ощущений. При этом переживания и ощущения, связанные с *адам*, будучи более детализированными и подпитанными культурными шаблонами, делают *ад* психологически более близким (в смысле психологической дистанции) к человеку, чем *рай*.

Выводы

По итогу исследования, мы можем сделать следующие основные выводы.

1. Ментальные репрезентации *рая* и *ада* у православных верующих на ассоциативном и образно-понятийном уровнях отражают как канонически зафиксированные в Священном Писании (Библии) характеристики, так и культурные шаблоны. Основой этих репрезентаций является собственный пре-

имущественно эмоциональный и, отчасти, телесный опыт верующих.

2. Ментальные репрезентации *ада* на ассоциативном уровне в большей степени детализированы по сравнению с репрезентациями *рая*. С теоретической точки зрения это может рассматриваться как свидетельство субъективного переживания на неосознаваемом или слабо осознаваемом уровне меньшей удаленности *ада* от верующих, чем *рая* (в смысле психологической дистанции).

3. Степень детализации данных религиозных концептов на ассоциативном уровне не связана с выраженностью религиозности православных верующих, а связана с другими факторами — предположительно, с культурной нагруженностью концептов, индивидуальными особенностями верующих и др.

4. В ментальных репрезентациях *рая* и *ада* у православных верующих образные элементы преобладают над понятийными. При этом образы *рая* и *ада* преимущественно эмоционально окрашены; образ *рая* — в достоверно большей мере.

5. Ментальные репрезентации *рая* и *ада*, рассмотренные с функциональной стороны — в качестве психологических средств овладения человеком собственной психикой и поведением, по-видимому, «работают» на иррациональном уровне регуляции — путем активации преимущественно эмоционального опыта (в случае репрезентаций *рая*), а также эмоционального и телесного опыта (в случае репрезентаций *ада*).

Ограничения настоящего исследования определяются рядом его особенностей. Во-первых, выборка исследования специфична — только православные верующие и преимущественно женского пола. Дисбаланс полового состава выборки при ее относительно небольшом объеме мог способствовать более высокой степени выраженности эмоциональных компонентов в ментальных репрезентациях *рая* и *ада*. Во-вторых, применение метода направленных ассоциаций с отсутствием временного контроля не дает возможности выхода на имплицитный ассоциативный уровень репрезентаций. В-третьих, в исследовании остались неразличимыми образные и понятийные компоненты представлений. В-четвертых, выводы о функциональной стороне ментальных репрезентаций *рая* и *ада* гипотетичны и нуждаются в дополнительной проверке.

Ключевыми задачами для дальнейших исследований, на наш взгляд, может стать экспериментальная проверка предположений о функциональной стороне ментальных репрезентаций религиозных концептов «Рай» и «Ад», а также изучение ассоциативного содержания данных репрезентаций на имплицитном уровне у последователей разных вероучений.

В практическом плане результаты исследования могут быть применены в психоконсультировании и психотерапии лиц с христианским мировоззрением для решения психологических проблем, связанных с моральным поведением и представлениями о жизненных перспективах.

Литература

1. Двойнин А.М. Природа религиозного сознания в оптике культурно-исторической психологии Л.С. Выготского // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. Вып. 104. С. 123–143. DOI:10.15382/sturI2022104.123-143
2. Колкунова К.А., Малевич Т.В., Кожевников Д.Д. Православные репрезентации Бога и имплицитное антропоморфное мышление // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. Вып. 74. С. 67–90. DOI:10.15382/sturI201774.67-90
3. Медведев Б.П. Обзор теории конструкторов разного уровня: история формирования, основные положения и исследовательский потенциал // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 3. С. 127–139. DOI:10.17759/jmfp.2022110312
4. Попова М.А. Фрейдизм и религия. М.: Наука, 1985. 200 с.
5. Прохоров А.О. Ментальные репрезентации психических состояний: феноменологические и экспериментальные характеристики // Экспериментальная психология. 2016. Том 9. № 2. С. 23–37. DOI:10.17759/exppsy.2016090203
6. Угринович Д.М. Психология религии. М.: Политиздат, 1986. 350 с.
7. Улыбина Е.В., Климова К.К. Влияние актуализации мыслей о Боге и уровня религиозности на отношение к неопределенности // Артикульт. 2017. Том 26. № 2. С. 108–121.
8. Холодная М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. М.: Юрайт, 2023. 334 с.

References

1. Dvoinin A.M. Priroda religioznogo soznaniya v optike kul'turno-istoricheskoy psikhologii L.S. Vygotskogo [The nature of religious consciousness in the optics of cultural-historical psychology by Lev S. Vygotsky]. *Vestnik PSTGU. Seria I: Bogoslovie. Filosofia. Religiovedenie* [St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies], 2022. Vol. 104, pp. 123–143. DOI:10.15382/sturI2022104.123-143. (in Russ.).
2. Kolkunova K.A., Malevich T.V., Kozhevnikov D.D. Pravoslavnye representatsii Boga i implitsitnoe antropomorfnoe myshlenie [Orthodox representations of God and implicit anthropomorphic reasoning]. *Vestnik PSTGU. Seria I: Bogoslovie. Filosofia. Religiovedenie* [St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies], 2017. Vol. 74, pp. 67–90. DOI:10.15382/sturI201774.67-90
3. Medvedev B.P. Obzor teorii konstruktov raznogo urovnya: istoriya formirovaniya, osnovnye polozheniya i issledovatel'skiy potentsial [Overview of the Construal Level Theory: History of formation, main provisions and research potential]. *Sovremennaiia zarubezhnaia psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 3, pp. 127–139. DOI:10.17759/jmfp.2022110312. (In Russ.).
4. Popova M.A. Freydzizm i religiya [Freudianism and religion]. Moscow: Nauka, 1985. 200 p.
5. Prokhorov A.O. Mental'nye reprezentatsii psikhicheskikh sostoyaniy: fenomenologicheskie I eksperimental'nye kharakteristiki [Mental states representations: phenomenological and experimental characteristics]. *Ekspperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology*, 2016. Vol. 9, no. 2, pp. 23–37. DOI:10.17759/exppsy.2016090203 (In Russ.).

9. Хубер Ш., Хубер О. Шкала центральности религиозности (CRS) / Пер. с англ. Е.В. Пруцковой, К.В. Маркина // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2018. Вып. 47. С. 144–171.
10. Barrett J.L. Cognitive constraints on Hindu concepts of the divine // Journal for the Scientific Study of Religion. 1998. Vol. 37. № 4. P. 608–619.
11. Barrett J.L., Keil F.C. Conceptualizing a non-natural entity: anthropomorphism in God concepts // Cognitive Psychology. 1996. Vol. 31. P. 219–247. DOI:10.1006/cogp.1996.0017
12. Boyer P. Functional origins of religious concepts: Ontological and strategic selection in evolved minds // The Journal of the Royal Anthropological Institute. 2000. Vol. 6. № 2. P. 195–214.
13. Fromm E. Psychoanalysis and religion. New Haven: Yale University Press, 1950. 119 p.
14. Hoffmann L. Cooperation in the name of God? Experimental evidence from Ghana and Tanzania // Journal of Economic Psychology. 2022. Vol. 93. 102573. DOI:10.1016/j.joep.2022.102573
15. Pargament K.I. The psychology of religion and coping: Theory, research, practice. N.Y.: Guilford, 1997. 548 p.
16. Sagioglou C., Forstmann M. Activating Christian religious concepts increases intolerance of ambiguity and judgment certainty // Journal of Experimental Social Psychology. 2013. Vol. 49. № 5. P. 933–939.
17. Shariff A.F. Does religion increase moral behavior? // Current Opinion in Psychology. 2015. Vol. 6. P. 108–113. DOI:10.1016/j.copsyc.2015.07.009
18. Streib H. Leaving religion: deconversion // Current Opinion in Psychology. 2021. Vol. 40. P. 139–144. DOI:10.1016/j.copsyc.2020.09.007
19. Wulff D.M. Psychology of religion: Classic and contemporary views. N.Y.: John Wiley & Sons, 1991. 640 p.
20. Zelekha Ya., Avnimelech G. Cultural and personal channels between religion, religiosity, and corruption // Heliyon. 2023. Vol. 9. № 6. e16882. DOI:10.1016/j.heliyon.2023.e16882
6. Ugrinovich D.M. Psikhologiya religii [Psychology of Religion]. Moscow: Politizdat, 1986. 350 p.
7. Ulybina E.V., Klimova K.K. Vliyanie aktualizatsii mysley o Boge i urovnya religioznosti na otnoshenie k neopredelyonnosti [Influence of the actualization of thoughts about God and the level of religiosity on the attitude to uncertainty]. *Artikult [Artikult]*, 2017. Vol. 26, no. 2, pp. 108–121.
8. Kholodnaya M.A. Psikhologiya intellekta: Paradoksy issledovaniya [The Psychology of Intelligence: Paradoxes of Research]. Moscow: Urait, 2023. 334 p.
9. Huber S., Uber O. Shkala Tsentral'nosti religioznosti (CRS) [The Centrality of Religiosity Scale (CRS)]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sotsiologiya: 4M) [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modelling (Sociology: 4M)]*, 2018. Vol. 47, pp. 144–171.
10. Barrett J.L. Cognitive constraints on Hindu concepts of the divine. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 1998. Vol. 37, no. 4, pp. 608–619.
11. Barrett J.L., Keil F.C. Conceptualizing a non-natural entity: anthropomorphism in God concepts. *Cognitive Psychology*, 1996. Vol. 31, pp. 219–247. DOI:10.1006/cogp.1996.0017
12. Boyer P. Functional origins of religious concepts: Ontological and strategic selection in evolved minds. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2000. Vol. 6, no. 2, pp. 195–214.
13. Fromm E. Psychoanalysis and Religion. New Haven: Yale University Press, 1950. 119 p.
14. Hoffmann L. Cooperation in the name of God? Experimental evidence from Ghana and Tanzania. *Journal of Economic Psychology*, 2022. Vol. 93, 102573. DOI:10.1016/j.joep.2022.102573
15. Pargament K.I. The Psychology of Religion and Coping: Theory, Research, Practice. N.Y.: Guilford, 1997. 548 p.
16. Sagioglou C., Forstmann M. Activating Christian religious concepts increases intolerance of ambiguity and judgment certainty. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2013. Vol. 49, no. 5, pp. 933–939.
17. Shariff A.F. Does religion increase moral behavior? *Current Opinion in Psychology*, 2015. Vol. 6, pp. 108–113. DOI:10.1016/j.copsyc.2015.07.009
18. Streib H. Leaving religion: deconversion. *Current Opinion in Psychology*, 2021. Vol. 40, pp. 139–144. DOI:10.1016/j.copsyc.2020.09.007
19. Wulff D.M. Psychology of Religion: Classic and Contemporary Views. N.Y.: John Wiley & Sons, 1991. 640 p.
20. Zelekha Ya., Avnimelech G. Cultural and personal channels between religion, religiosity, and corruption. *Heliyon*, 2023. Vol. 9, no. 6, e16882. DOI:10.1016/j.heliyon.2023.e16882

Информация об авторах

Двойнин Алексей Михайлович, кандидат психологических наук, доцент, доцент департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0530-740X>, e-mail: alexdvoinin@mail.ru

Иванова Анна Сергеевна, бакалавр психологии, независимый исследователь, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-3624-0742>, e-mail: ivanova.anna.s19@yandex.ru

Information about the authors

Alexey M. Dvoinin, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0530-740X>, e-mail: alexdvoinin@mail.ru

Anna S. Ivanova, Bachelor of Psychology, Independent Researcher, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-3624-0742>, e-mail: ivanova.anna.s19@yandex.ru

Получена 12.10.2023

Принята в печать 19.06.2024

Received 12.10.2023

Accepted 19.06.2024